

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

ИНСТИТУТ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТОЛОГИИ
РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Политическая
наука 2 - 2001

Зарубежная политология в XX столетии

Москва 2001

I. НАЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Л.Н. ВЕРЧЕНОВ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА: НАЦИОНАЛЬНЫЕ ШКОЛЫ*

1. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ: СТАНОВЛЕНИЕ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ НАУЧНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ (ВВЕДЕНИЕ)

Политические теории прошлого были частью философских систем, а большинство политических мыслителей, как правило, это создатели оригинальных философских учений. Одни из них рассматривали общие философские проблемы в своих сочинениях о политике, другие переносили на сферу политики собственные философские принципы. Эти размышления, скорее всего, заслуживают названия протополитики.

Протополитика носила отчетливо выраженный практический характер. Это было знание, стремящееся воздействовать на человеческую жизнь, осветить путь человеческой практике, изменить или, наоборот, упрочить существующие отношения между людьми – в фокусе его интересов были цели и смысл человеческого бытия и человеческой деятельности. Поэтому главным предметом исследования являлось государство как идеальный образец человеческого объединения, а в центре внимания всегда оставалась идея всеобщего блага.

Знание, направленное на решение практических проблем, мыслители прошлого ценили гораздо выше чисто теоретического знания, считали первое более полным, так как, раскрывая сущность предмета своего исследования, оно стремится применить свои выводы к практической деятельности. Аристотель, например, полагал, что знание,

¹ При подготовке данного очерка автором были использованы материалы, опубликованные ранее в изданиях ИНИОН. Редколлегия сборника выражает признательность К.С.Гаджиеву, Р.В.Золотареву, А.И.Ковлеру, В.М.Кулистикову, Б.А.Куркину, А.М.Салмину за возможность воспользоваться материалами их обзоров.

которое направлено на уяснение смысла человеческой деятельности, должно быть практическим, т.е. применимым к жизни, а поэтому в практических науках не могут использоваться строгие (как в математике) методы доказательства – практическое знание никогда не может быть таким точным и определенным, как теоретическое.

Не следует путать историю политических учений и идей, накопление политического знания с политической наукой в собственном смысле слова. Если первые явились следствием возникновения государства и были попыткой осмысления и этого процесса, и самого института государства, то политическая наука складывалась по мере вычленения политики как самостоятельной подсистемы и конкретной сферы социального бытия человека.

Логика происхождения и развития политической науки – это постепенный переход от описания и сравнения формальных институтов – государства, власти и управления – к анализу собственно политики, политики как таковой.

Восприятие и понимание мира нынешней политической наукой заимствованы из философии Нового времени: центральное место отводится феномену *власти*, вокруг которой и выстраивается особая сфера социальной жизни – политика и политический процесс, рассматриваемые как совокупность неких закономерностей.

Современная политическая наука отличается от протополитики прошлого: теперь это, в основном, эмпирическая, опытная дисциплина, изучающая свою определенную область общественной действительности. Ее не столько интересуют (а чаще и не интересуют совсем) цели человеческой деятельности, сколько средства, находящиеся в распоряжении людей для достижения целей, т.е. «место основополагающих духовных начал человеческой деятельности нынешняя политическая наука изучает «техническую» (по сути дела, внешнюю) сторону общественной жизни – организацию власти и государства. Способ и механизм их функционирования.

Специалист в области политической науки сегодня в той или иной степени эмпирик. Проявляется это, в первую очередь, в том, что он пытается открыть какие-то общие закономерности и принципы, которые выводятся из объективных и статистических фактов поведения людей в определенных ситуациях, не всегда и не обязательно увязывая их с нормами и альтернативами нравственного выбора.

Представляя, например, политическую науку как академическую дисциплину, «Энциклопедия Британика» отмечает: политическая наука изучает варианты политического поведения людей и *выводит принципы из фактов* (подч. – Л.В.), чем и отличается от политической философии как нормативной дисциплины¹.

Современные представители политической науки в большинстве своем как, впрочем, и представители других дисциплин социальной науки, исходят из того, что имеют дело с объектами и событиями, которые не являются исключительно предметом исследования данной дисциплины, поскольку каждая из социальных и гуманитарных наук имеет дело с различными аспектами *одних и тех же* явлений. Современные специалисты в области социального и гуманитарного знания, таким образом, справедливо полагают, что основные проявления человеческого поведения – это общий предмет исследований для всех них. К политической науке это относится, может быть, в первую очередь. Как отметил М.Доган – директор Национального центра научных исследований (Париж, Франция) и профессор политических наук Калифорнийского университета (Лос-Анджелес, США) – а некрополе политических теорий гораздо меньше гробниц находится в той аллее, где покоятся гибридные (междисциплинарные) теории, чем в аллее, отведенной праху теорий монодисциплинарных².

Философия, идеология, политическая наука – все они сегодня в принципе могут содействовать тому, чтобы человек чувствовал себя увереннее в принятии практических политических решений. Правда, философия, ставя вопросы, не дает на них окончательного ответа, идеология, гарантируя вроде бы «правильное» отношение к обществу и политике, сомнительна как руководство к практическому политическому действию. Что может, на что способна в этих обстоятельствах современная политическая наука?

¹ См Кентавр – М., 1992. – Март-апрель – С. 148-149.

² Политическая наука новые направления / Ин-т «Открытое общество». Под ред. Гудвина Р., Клингеманна Х. Д. – М., 1999 – С. 124.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА США: МЕТОДОЛОГИИ, ШКОЛЫ, НАПРАВЛЕНИЯ

В конце XIX в. оформились критерии разграничения естественных и общественных наук. Если в первых преобладал критерий общих закономерностей развития и строго прослеживаемых причинно-следственных связей, то в общественных (социальных и гуманитарных науках) – критерий индивидуальности и неповторимости феноменов и событий.

Именно в этот период (конец XIX – начало XX вв.) произошло вычленение и становление сферы *политического* как самостоятельной, специфической подсистемы социальной жизни.

Что касается политической науки, то в политологии старой континентальной Европы утвердилась тенденция к синтезу эмпирического и теоретического начал, в то время как политология англосаксонских стран, в первую очередь США, начинает во все большей степени претендовать на роль и статус «точной науки» наравне с естественными науками.

После Второй мировой войны политическая наука континентальной Европы, всегда подчеркивавшая свою преемственность с историей идей, концентрирует внимание на исследовании государственно-политических институтов и государственного права. Для американской политологии было характерно тесное взаимодействие политической науки, политической практики и политической социализации. В США развитие политической науки пошло преимущественно по линии прикладных эмпирических исследований. Концентрируясь на собирании и систематизации эмпирического материала, американская политическая наука не всегда и не обязательно учитывает историческое и теоретическое измерение политики.

В 1880 г. в Нью-Йорке в Колумбийском колледже (позже ставшем Колумбийским университетом) Джон Берджес основал «Школу политических наук». Поначалу американская политическая мысль находилась под сильнейшим немецким и французским влиянием и занимала маргинальные позиции в мировом обществоведении. И все-таки современная политическая наука (политология) родилась именно в США, а на всем протяжении XX столетия именно американская политическая наука оставалась доминирующей в этой отрасли знания.

В «Школе политических наук» собственно политическая наука представляла собой комбинацию политической философии, истории, географии, политической экономики, дипломатии, государственного управления и теории права. Упор делался на исторический, сравнительный, административно-политический и статистический аспекты исследования. В 1891 г. к перечисленным дисциплинам добавилась социология. Идея именно такой политической науки была в значительной мере заимствована из европейской политологии, в первую очередь из опыта французской «Свободной школы политических наук», которая приняла первых студентов еще в 1872 г. Кстати, Дж. Берджес после защиты диплома на родине в США «повышал свою квалификацию» в университетах Геттингена и Берлина, а затем в течение года внимательно изучал в Париже деятельность «Свободной школы политических наук».

После Первой мировой войны, а к тому времени американская политическая наука становится ведущей в мире и как исследовательская, и как академическая отрасль знания, она выглядит структурно (по «специализациям») следующим образом: 1) политическая теория/философия; 2) политические партии, общественное мнение, группы специальных интересов, политическая коммуникация (семантика, пропаганда); 3) публичное право (конституционное право и административное право); 4) государственное и муниципальное управление; 5) международные отношения, дипломатия, международная политика, международное право, международные организации; 6) американская государственная власть: федеральная, штатная, местная; 7) зарубежная государственная власть: сравнительные исследования; 8) законодательные органы и законодательство; 9) государственная власть и экономика.

Примерно такой же является и структура политической науки в Европе, но после 1945 г. здесь придают больше значения политической экономике и политической истории.

Подобная структура политической науки¹ бралась «не с потолка», она «вырастала» из структуры практических политологических специальностей. Так уж сложилось в США, что американский культ профессиональной культуры и прагматической ориентации на

¹ Структура политической науки в США неоднократно менялась: она была одной в период с 30-х по 60-е годы, несколько иной в конце 60-х – начале 70-х годов, с середины 70-х годов; в 90-е годы.

достижение успеха и эффективное решение любых производственных и деловых проблем, будь то в сфере государственной службы или частной корпорации, удачно сочетался с изначальным французским влиянием на развитие американской политологии. Влияние это проявлялось в том, что ориентация на фундаментальное теоретическое образование гармонично дополнялась ориентацией на специальное образование для работы в общественных или частных службах.

Для политической науки США на всем протяжении XX столетия характерно отсутствие господствующей школы, господствующего направления. Относительно устойчивой в постоянно эволюционирующей американской политологии последних десятилетий оказывается даже не столько методология, сколько направленность исследований: так, анализ выборов, процесса принятия решения, осуществления власти и т.п., независимо от преходящей моды на ту или иную методологическую школу, всегда остается в центре внимания. Непрерывная смена подходов к анализу политики и политических феноменов, довольно частое уточнение (изменение) ее и их смысловой оценки и терминологии – это примечательная особенность американской политической науки. А неизменность предмета исследования — это своеобразная компенсация отсутствия единого подхода к этому предмету.

«Политическую науку» («political science»), т.е. собственно политологию как академическую дисциплину, суть которой состоит в систематическом изучении государственного управления и политики, не следует путать с «политическими науками» («political sciences»), назначение которых – в научном обеспечении политики, т.е. являющихся прикладной политологией. «Политические науки» нужно поэтому отличать от политологии как «чистой науки».

2.1. В теоретическом плане американская политическая наука сегодня являет собой десятки научных школ и направлений, объединяя около тридцати самостоятельных дисциплин и субдисциплин политического знания.

В конце XIX – начале XX в. в центре внимания американской политологии были государство, его *институты* и нормы, с конца 20-х годов XX столетия центр тяжести перемещается на эмпирически

наблюдаемое *политическое поведение* индивидов, а затем – на отношения между ними, рассматриваемые через призму власти¹.

Итак, с конца XIX столетия начинается традиционный, или институциональный, период с преобладанием историко-сравнительных и нормативно-институциональных методов исследования. Внимание ученых сосредоточено преимущественно на формально-юридическом анализе государственно-правовых и политических институтов: институционализм был целиком ориентирован на изучение государства и формально-правовое описание его институтов,² прежде всего законодательных систем, исполнительной власти, конституций и т.п. На этом этапе американской политической науки произошло становление Чикагской школы, поначалу делавшей акцент на изучение неформальных институтов и их воздействия на политику (политические партии, группы давления и т.п.).

Именно к Чикагской школе восходят и начала *поведенческого* (бихевиористского) подхода: объектом анализа бихевиористской политологии становятся различные аспекты поведения людей как участников политического процесса. Представители Чикагской школы (Ч. Мерриам, Г. Лассуэл, Г. Алмонд, С. Верба, Д. Истон, Р. Даль, Р. Патнэм, Р. Ингхарт) исходят из того, что традиционная политическая наука, опирающаяся на историческое описание и анализ формальных институтов, себя исчерпала.

Наработки так называемой бихевиористской революции в общественном знании настойчиво (не в последнюю очередь, благодаря, в силу своей «революционной» мощности, щедрой финансовой поддержке из всевозможных источников) внедрялись в американскую политологию в 30-50-е годы.

Бихевиоризм (от английского behavior – поведение) – направление в американской психологии начала XX в. Основной тезис бихевиоризма – психология должна изучать поведение человека, а не его сознание, которое в принципе не поддается непосредственному наблюдению. Поведение понимается как совокупность связей «стимул – реакция»:

поведение – это комплекс двигательных, вербальных и эмоциональных ответов (реакций) человека на воздействие (стимулы) внешней среды. В 20-е годы основная идея методики исследования и термины

¹ Дегтярев А А Предмет и структура политической науки // Политическая наука в России интеллектуальный поиск и реальность Хрестоматия – М., 2000. – С.103.

² Гаджиев К С Политическая наука Пособие для преподавателей, аспирантов и студентов гуманитарных факультетов – М., 1994. – С. 35.

бихевиоризма были перенесены в антропологию, социологию, педагогику, а чуть позже и в политологию.

Дискуссия вокруг поведенческого подхода проходит через всю историю американской политической науки в последние пять десятилетий ушедшего века. Сам подход очень сильно изменился за эти годы и даже модифицировал название, превратившись из бихевиоризма в бихевиорализм.¹ Однако, хотя один из крупнейших теоретиков поведенческого направления Д. Истон² утверждает, что бихевиорализм не имеет ничего общего с традиционным бихевиоризмом, возникшим в 20-50 годы, это не следует понимать буквально.

Единство поведенческого подхода состояло не в тех или иных конкретных выводах или исходных посылах, а в общей ориентации на превращение политологии в «точную» науку. И если первоначально формулировка критерия точности была позаимствована из психологической концепции бихевиоризма, то очень скоро она стала определяться логикой и потребностями самой политической науки.

Суть бихевиоралистских методологических принципов и направлений, возникших в лоне поведенческого подхода к изучению политических явлений (системно-функционального в том числе), состоит в том, что был положен конец описательному и нормативно-институциональному стилю исследований в политической науке.

Бихевиоралистский этап стал революцией в методологии политической науки, в первую очередь благодаря применению эмпирических и количественных методов, заимствованных у психологии, социологии, экономической науки, математики в кибернетики.

Место описательно-исторической индукция институционалистов, отмечает российский исследователь, стали занимать методы сбора и анализа данных об «эмпирически наблюдаемом» политическом поведении. Из психологии (и медицины) в политическую науку широко вошли тесты и лабораторные эксперименты, из социологии – анкетные опросы, интервью, наблюдения, из математики – факторный и другие

¹ Появление термина «бихевиорализм» в 40-е годы и постепенное исчезновение из словаря американских политологов понятия «бихевиоризм» связаны со стремлением подчеркнуть специфику поведенческого подхода в политической науке и избежать недоразумений, вызванных отождествлением политологического «бихевиоризма» с психологическим, далеко отшедшим к тому времени от своих истоков.

² Easton D. Behavioralism// Contemporary political analysis. – N.Y.; L., 1967. – P. 5-51.

виды анализа, математическое моделирование и метод теории игр¹. Суть бихевиоралистской методологии – это сциентистские принципы и точные методы, измерения и квантификация, одним словом, приоритет точных, эмпирических и количественных методов.

Суть бихевиористского «переворота» сводилась к тому, считает известный американский специалист Д. Фарр,² что внимание предлагалось сосредоточить на реальном поведении, а не на нормативном дискурсе о политических проблемах. Задача виделась в том, чтобы политология могла прогнозировать развитие, а не только легитимировать политическую реальность. Фокус исследования смещался к «поведению», «процессам», «системам», «группам». В идеале политическая наука должна была стать формой эмпирического исследования.

Все, что касалось, например, государства, становилось производным политических систем. Происходило переосмысление роли формальных институтов государственного управления, и фактически это привело к отказу от использования самого понятия «государство».

Смысл психологического бихевиоризма состоял в стремлении исключить из научных исследований все субъективные факторы: цели, намерения, желания, идеи – и оставить лишь данные верифицируемых, т.е. поддающихся проверке, наблюдений. Что касается политической науки, то в ней никогда не происходило столь решительного устранения субъективных данных.

Американские специалисты признают, что четких критериев, которые бы позволяли однозначно выделить поведенческое (бихевиоралистское) направление из суммы всех школ и направлений политической науки, не существует. Тем не менее, опираясь на работы Р. Даля, Ч. Хейнемана, Д. Трумэна, особенно Д. Истона и француза М. Дюверже, можно охарактеризовать основные идеи поведенческого подхода,

1. В политическом поведении выявляются элементы повторяемости, поддающиеся обобщению и формулированию в терминах самой теории политического поведения.

¹ Дегтярев А.А. Методы политологических исследований // Политическая наука в России: интеллектуальный поиск и реальность. Хрестоматия. – М., 2000. – С. 569-570.

² См.: Политическая наука на рубеже веков: Пробл.-темаг. сб. / РАН ИНИОН – С. 95-96 (Политическая наука; М., 2000, № 4).

2. Достоверность обобщений такого рода в принципе может быть проверена путем наблюдения за соответствующим поведением.

3. Способы получения и интерпретации данных не могут приниматься на веру. Они должны восприниматься в качестве гипотетических, их следует критически изучать, уточнять и отбирать таким образом, чтобы в итоге прийти к строгим методам наблюдения, фиксирования и анализа поведения.

4. Использование количественных методов не является самоцелью, такие методы следует применять там, где это приносит результаты и где это целесообразно, принимая во внимание другие задачи.

5. Моральная оценка и эмпирическое объяснение – это два различных типа суждений. Однако исследователь политического поведения вправе высказывать суждения обоого рода порознь или вместе при условии, что он не принимает одно за другое.

6. Теория и эмпирическое исследование должны рассматриваться как связанные и переплетающиеся части конкретного и упорядоченного знания. Исследования, не опирающиеся на теорию, могут оказаться тривиальными, а теория, не подкрепленная фактическими данными, – «бесплодной».

7. Понимание и объяснение политического поведения логически предшествуют выработке рекомендаций для решения актуальных практических (политических) проблем общества.

8. Поскольку общественные науки имеют дело с различными сторонами человеческой деятельности, недопустимо в политических исследованиях игнорировать выводы других дисциплин. Признание этой взаимозависимости должно способствовать интеграции политической науки с основными социальными науками

2.2. Американская политическая наука находится в вечной погоне за единицей анализа, т.е. единицей измерения политического процесса. В русле поведенческого подхода Г.Саймон еще во второй половине 40-х годов ввел в политологию понятие «решение» (в настоящее время «принятие решений») признано и широко распространено в политических исследованиях малых структур и процессов, при описании международных отношений). Д. Истон предложил в качестве такой единицы понятие «системы», акцентируя внимание на политической жизни как системе поведения, функционирующей в социальной среде и реагирующей на нее.

Внедрение *системного анализа* и *структурного функционализма* в американскую политическую науку было связано со стремлением перейти от поисков «единицы анализа» к научному описанию целостной картины политического общества на основе единой методологии. Внешне это проявлялось как борьба против чрезмерного «эмпиризма» политических исследований.

С точки зрения структурного функционализма общество рассматривается как бесконечное множество и переплетение взаимодействий людей. В этой социальной среде можно выявить, однако, устойчивые элементы, которые и образуют структуру. Функции – это то, что исполняется структурными элементами¹. Когда на место одного из этих элементов подставлялась «политика», решалась задача, с которой не справился бихевиорализм, – оказывалось возможным рассматривать политику как целостное явление.

В первые послевоенные десятилетия Т. Парсонс и другие социологи разработали «системный подход» для сравнения различных типов обществ и социальных институтов. Опираясь на эти разработки, Д. Истон определяет политическую систему как взаимодействия, посредством которых оказывается возможным авторитетное (властное) распределение ценностей в обществе. Нужно только отдавать себе отчет в том, что *распределительная* традиция и функция политики (знаменитое лассуэлловское: политика – это кто, что, когда и как получает) – лишь один из возможных подходов к ее анализу.

Хотя, конечно, истоки и последствия всех политических акций связаны с распределением благ (ценностей). Но, по Р. Лассуэлу, ценности – это, прежде всего, безопасность, доход и уважение (к социальному статусу индивида). Ценность – это то, чего желают люди, стремление индивида усилить свои ценностные ориентации, определяет динамику социального и политического процессов².

Один из самых известных американских политологов-функционалистов Г. Алмонд, полагая, что понятие «политическая система» охватывает «все типы действий, имеющих отношение к

¹ Ст.: Короткова Н.В. Р. Д. Ласауэл. Методология исследования проблем политики // Политическая наука на рубеже веков... – С. 159.

² Там же. – С. 169. (Название книги Р. Лассуэла, вышедшей в 1936 г. – «Политика-кто, что, когда и как получает»).

принятию политических решений»¹, предложил заменить им (для удобства сравнительных анализов) категорию «политический процесс».

Сторонники системно-функционального анализа в качестве функций политической системы рассматривали: а) властный ее аспект как цель системы, б) авторитетную² мобилизацию средств, необходимых для достижения этой цели, в) «интеграцию» различных ее элементов в нечто целое и цельное, г) «аллокацию» (распределение среди компонентов политической системы) ценностей.

Понятие «роль», введенное в социологию Т. Парсонсом, по мнению Алмонда, обладает преимуществом перед такими понятиями, как «институт», «организация», «группа», поскольку позволяет учитывать как формальные, так и неформальные типы взаимодействия. Основные понятия в концепции Алмонда – роль, взаимодействие и система. Однако, заимствуя у Парсонса термины, Алмонд, в сущности, отказывается от самой основы его концепции – представления о единой функциональной сочлененности всех институтов общества.

Если у Парсонса политика – всего лишь подсистема общества, причем вопрос о ее самостоятельном анализе остается открытым, то у Алмонда политическая система практически изолирована от общества, а все взаимодействия происходят лишь в ее пределах, подчиняясь ее внутренней логике; впрочем, он подчеркивает, что общесоциологическая концепция явилась для него лишь вдохновляющим импульсом, но никак не инструментом, готовым для использования, она может быть только предпосылкой «концептуальной модели политической системы».

Г. Алмонд распространяет на политическую систему известную формулу М. Вебера о «монополии легитимного» физического насилия (принуждения), осуществляемого в отношении населения данной территории. В большинстве политических систем эта монополия оформляется в специализированный аппарат – государство. Однако у Алмонда политическая система – это не только государство (и совокупность других ролей), воздействующих на решения, принимаемые государственной властью, как считали представители традиционной политической науки. Столь же важны, по его мнению, и другие формы

¹ Almond G. Imperative political systems// Political behavior A redder in theory research / Ed. Eulou Y. et al. – Clencoe (Ill.), 1956. – P.38.

² Авторитет (в политической науке и политической социологии) – власть, которая законена и институционализована.

политического взаимодействия: через группы давления (заинтересованные группы, группы специальных интересов), исполнительную бюрократию и др.

В 1971 г. Г. Алмонд¹ характеризует следующие условия эффективного функционирования политической системы:

- политическая социализация, т.е. поддержание преемственности политических структур и культур посредством организованного обучения в детстве и в юности (в семье, через институты церкви, школы, трудового коллектива и добровольных объединений);

- политический отбор, т.е. функция, способствующая осуществлению политической социализации посредством реализации соответствующими людьми специализированных политических ролей;

- оформление интересов, т.е. выражение коллективных интересов, в первую очередь через институциональные группы интересов (правительственные учреждения и бюрократический аппарат), группы интересов, не имеющих характера ассоциации (этнические и расовые группы), анонимические группы интересов (например, спонтанные демонстрации) и, наконец, группы интересов, возникающие в результате добровольного объединения (например, экономические организации);

- сосредоточение интересов, т.е. объединение широких групп интересов (например, политические партии);

- политическая коммуникация, которую следует отличать от коммуникации, осуществляемой в процессе социализации, оформления и сосредоточения интересов;

- введение правил, т.е. законодательная функция, выполняемая не только парламентом (Конгрессом), но и другими органами;

- применение правил, т.е. исполнительная функция;

- оценка правил, т.е. судебная функция.

А еще раньше Г. Алмонд (совместно с Г. Пауэллом)² упорядочивает концепцию политической системы. В частности, выделяется политическая культура как способ существования политической системы, обладающая определенными функциями³.

¹ The politics of the developing areas / Ed. Almond O.A., Collman Y. – princeton, 1971.

² Almond G.A., Powell J.B. Comparative politics: A developmental approach. – Boston, 1966. – XI, 348 p.

³ О концепции политической культуры Т.Алмвида и других зарубежных специалистов см.: Пивоваров Ю.Л. Политическая культура: Методологический очерк. – М., 1996. – 80с.

В целом все разновидности системно-функционального подхода к анализу политики обладают спецификой – это акцент на универсализме, на системности анализа политической жизни. Однако эта его особенность и создает почву для критики со стороны тех, кто считает, что функциональный анализ носит по преимуществу тот же характер, что и социальная теория вообще, т.е. не имеет специфической практической ценности. Тем более, что категории структурных функционалистов характеризуются таким уровнем абстракции, что институциональная специфика (прежде всего государства) была попросту похоронена в понятиях роль, структура и функция.

2.3. К концу 60-х годов, когда бихевиоралистский подход полностью господствовал в американской политической науке, в его собственных недрах возникла тенденция к пересмотру некоторых базовых положений. И речь шла не столько о методах исследования его объекта, сколько о подходе к политической реальности в самом широком смысле. Иными словами, возник вопрос о роли самой политической науки, т.е. политологTM на новом этапе вернулась к постановке проблемы ценностей внутри самого политического анализа.

«Постбихевиоралисты», как стали называть сторонников нового направления, заявили, что политическая наука по существу никогда не была нейтральна в своих выводах, и поэтому для понимания границ знания необходимо ясно представлять себе ценностные критерии, лежащие в его основе, и альтернативы его применения. Многие видные американские политологи (Д. Истон в первую очередь) выступили за возврат к традиционным подходам, качественным методам и моральным нормам – именно эти принципы стали базовыми в постбихевиоралистской методологии.

Основные идеи «постбихевиорализма» были изложены Д. Истоном в так называемом «Кредо применимости»:

- Сущность должна предшествовать технике исследования. Более важно понимать отношение к актуальным социальным проблемам и их смысл, чем в совершенстве владеть техникой исследования.

«Привязывать» себя исключительно к описанию и анализу фактов – значит ограничивать свое понимание этих фактов в самом широком контексте.

- «Слишком» последовательное применение поведенческого подхода ведет к утрате связи с действительностью, «способствует» сокрытию «грубой реальности» политики. Задача постбихевиорализма

заключается в том, чтобы помочь политической науке стать на службу действительным потребностям человека и общества.

- Исследование и конструктивное уточнение проблемы ценностей являются неотъемлемой частью изучения политики.

- Знать – значит нести ответственность за действие, а действовать – значит участвовать в переустройстве общества. Созерцательная наука была продуктом XIX в. Нынешняя наука с неизбежностью отражает современный конфликт в обществе, в том числе и по поводу идеалов, что должно соответствующим образом находить выражение в самом исследовании и соответствующим образом окрашивать его¹.

Возврат к постановке проблемы ценностей с целью гармонизации политической науки произошел все-таки в русле бихевиорализма. В определенной мере сам этот факт свидетельствует о том, что поведенческий подход стал в эти два-три десятилетия трактоваться как синоним если не политической науки в целом, то, во всяком случае, основного направления. В этих условиях критика бихевиорализма раздававшаяся на различных этапах его развития как со стороны тех, кто считал его недостаточно системным и универсальным, так и тех, кто критиковал его за недостаток внимания к иррациональным факторам поведения, была фактически направлена не столько на его вытеснение и отрицание, сколько на его дополнение. Тем не менее и постбихевиорализм не устраивал многих в политической науке США: вопрос о «человеческих основаниях» политической науки все-таки стоит за его пределами, не предложил постбихевиорализм и нового метода исследований.

2.4. Неудовлетворенность «человеческими основаниями» политической науки породила и порождает *психологическое* направление в американской науке. Последнее обусловлено, в том числе и естественной, время от времени возникающей реакцией на чрезмерный «рационализм» политологии, на преобладание эмпирических («внешних» по отношению к индивиду) методов исследования.

В период между Первой и Второй мировыми войнами интерес политологов к психологическим исследованиям вызывается двумя обстоятельствами. Во-первых, в это время усиливается недоверие к

¹ Easton D. The political system an inquiry into the state of political science – 2-nd ed. – N.Y., 1971. – P. 325-327.

концепции «политического человека» (как избирателя, так политического деятеля) как существа в основе своей рационального.

И, во-вторых, в центре внимания политологов оказались средств массовой информации и их роль в политическом процессе, в частности механизм пропаганды. В русле этого течения в период Второй мировой войны и в послевоенные годы возникло целое направление, занимающееся анализом воздействия средств массовой информации на аудиторию. Здесь, прежде всего, следует отметить известное исследование Г. Лассуэлла «Язык политики»¹. Однако по мере того, как уменьшалась убежденность в однородно-определяющем характере влияния средств массовой информации на политическое поведение, эта область исследования постепенно вытеснялась на периферию американской политической науки, и в настоящее время она занимает достаточное видное, но самостоятельное положение на стыке нескольких дисциплин.

Основные разработки в области применения психологического подхода к политической науке принадлежат Г. Лассуэлли и его последователям. Г. Лассуэлл² рассматривает политику через символы требований и ожиданий. Эти символы, направленные на поддержание социальной связи, подвергаются сомнению социальными мифами, отвечающими потребности личности, а защищенности в период общественных потрясений. Однако эти мифы, хотя они и соответствуют внутренним устремлениям личности, подрывают социальное единство, отождествляемое со старым порядком. Лассуэлл полагает, что социальный контроль может быть восстановлен за счет манипуляции символами. Главная цель политического руководства – стимулировать эффективное, заинтересованное сознание в группах со средним уровнем доходов, это может оказаться барьером на пути распространения социальных утопий.

Поскольку правящая элита располагает достаточными ресурсам средствами легитимного насилия и принуждения, соперничающая элита вынуждена обращаться к символам. Поэтому первая не должна бояться использовать символы, способные увлечь массы и уменьшить влияние всякого рода революционных теорий.

¹ Lasswell H Language of politics: Studies in quantitative semantics. – N.Y., 1949. – 298p.

² Lasswell H. World politics and personal insecurity. – N.Y., 1935. – 307 p.

Традицию Г. Лассуэлла продолжали другие американские политологи. М. Эдельман, например, разрабатывал тему социального контроля с помощью манипулирования политическими символами, Ф. Гринстайн анализировал зависимость между личностными характеристиками и политическим поведением, между психологическими предпосылками и системами ролей, а также соотношение между совокупностью психологических и системных (институциональных) характеристик.

2.5. Бихевиорализм и постбихевиорализм перестали доминировать в американской политической науке: поведенческий подход уже не играет прежней цементирующей и фокусирующей роли. В профессиональном сообществе политологов это породило своего рода отчаяние, ибо, утратив общую программу действий (которая определяла и направление исследований, и политическую ангажированность самих исследователей), политическая наука становится все более раздробленной в условиях растущей ее дифференциации, углубляющейся специализации, фрагментации теоретических подходов и исследовательских программ. Поэтому и вызвала такой резонанс среди профессионалов статья Г. Алмонда, где он уподобил школы и направления американской политической науки уединенно обедающим за отдельными столиками кафе посетителям, которым практически нечего сказать друг другу¹.

Важную роль сыграло и то обстоятельство, что поведенческий подход, в том числе и структурно-функциональный анализ, сделал объектом своего исследования, прежде всего функции поддержания политической системы, обеспечения ее стабильности, выживания в ущерб изучению социальных столкновений и антагонизмов. Неспособность описать и проанализировать конфликты и всякого рода социально-политические «неустройства» в обществе привела к тому, что политологи этого направления оказались не в состоянии предсказать социальные потрясения и предложить способы их урегулирования. Тем более, что в политическую науку приходят новые поколения молодых людей, нацеленных на реализацию реформаторских целей, на конкретные практические интересы. И они считают, что ни существующие теории в

¹ Об «отдельных столиках» (школах и направлениях в политической науке), дискуссии, посвященной статье Г. Алмонда, см.: Политическая наука на рубеже веков... – С.63-76.

политической науке, ни применяемые методы непригодны для решения подобных задач, не позволяют дать адекватную диагностику существующих в обществе проблем и предложить их решение.

Не осталась незамеченной и «странная» гармония между политической наукой и конкретной версией либеральной демократии, апологетическая функция данной научной дисциплины по отношению к американской политической жизни. Расовые волнения в городах и массовые протесты против войны во Вьетнаме совсем не укладывались в образ либерального общества, основанного на широком консенсусе относительно основополагающих норм и ценностей. В обращении к ежегодному собранию Американской ассоциации политической науки (ААПН) в 1967 г. ее председатель и сторонник поведенческого подхода Д. Истон объявил «бихевиоралистскую революцию» оконченной. Он говорил о ее слабостях, включая необоснованную неопозитивистскую претензию на свободу от заранее установленных ценностей, и признал, что политологи больше выступали апологетами различных интерпретаций национального интереса, предлагаемых очередными правительствами, а не аналитиками.

В качестве замены поведенческому подходу многими американскими исследователями рассматривается *теория рационального выбора*.

Как отметит один из создателей теории рационального выбора У. Райкер,¹ описывая и изучая только «внешние» (проявления) действия, сторонники поведенческого подхода упускали из виду неподдающиеся наблюдению «внутренние мотивы человеческого поведения – деятельность по выбору стратегий активности. Исследователю всегда следует эмпирически проверять свою интерпретацию возможных альтернатив, сопоставлять действия и намерения людей и уточнять взаимоотношения этих «феноменов».

Еще в рамках системного анализа возникла идея увязать политический процесс с экономикой. На такую возможность указал в свое время Т. Парсонс, подчеркивая существование аналогии между ролью денег в экономике и власти в политике.

Политологи Р. Карри и Л. Уэйд предложили исходить из того, что политический процесс может быть основан на теории «обмена» и «полезности» в условиях конкуренции на «рынке» и необходимости

¹ Curry R, Wade L. A theory of political exchange. Economic reasoning in political analyses. – Englewood Cliffs (N.Y.) Prentice Hall, 1968. – P. 35-48.

выбора при ограниченных ресурсах и возможностях. Целью любого участника политического процесса в этом случае является максимизация «прибыли» и минимизация «издержек». Процесс «торга» происходит по установленным правилам игры, обусловленными системой права, культурными традициями и ценностной ориентацией¹.

Искушения бихевиоралистского подхода новое поколение представителей американской политической науки попыталось преодолеть, убеждая всех (и себя в том числе), что политическое поведение человека должно изучать так же, как молекулярная физика изучает свои объекты.

Вообще количественные, эконометрические и математические методы моделирования широко распространились во второй половине минувшего столетия в американской политической науке. Сочетание математического и компьютерного моделирования, статистического анализа и эксперимента стало применяться, в первую очередь, сторонниками теории рационального выбора, фигурирующей, кстати, и под другими «именами» – «формальной теории», «позитивной теории», «теории общественного выбора», «теории коллективного выбора».

Теория рационального выбора – одна из самых распространенных в современной политической науке «эмпирических» теорий, в которой человек выступает независимым, активным политическим автором, которая пытается взглянуть на поведение человека «изнутри», исследуя характер его установок, выбор оптимального поведения.

В основу рационального выбора положены следующие принципы:

во-первых, методологический индивидуализм – признание того, что социальные и политические структуры, политика и общество в целом вторичны по отношению к индивиду;

во-вторых, эгоизм индивида – его стремление максимизировать собственную выгоду (человек при этом не обязательно ведет себя как эгоист, но даже если он поступает как альтруист, то, скорее всего, такой способ поведения более выгоден для него, чем другие);

в-третьих, рациональность индивида – его способность выстраивать свои предпочтения в соответствии с максимальной выгодой для себя, при этом индивид «калькулирует» ожидаемые результаты и необходимые затраты: стремясь максимизировать свои результаты и одновременно минимизировать свои затраты;

¹ Реферат статьи У. Райнера см.: «Политическая наука на рубеже веков», с. 114-121.

в-четвертых, обмен деятельностью – индивид живет в обществе, а не на необитаемом острове, поэтому его поведение определяется конкретными институциональными условиями, при этом индивид пытается даже не столько приспособиться к институтам, сколько изменить эти институты в соответствии со своими интересами, в свою очередь институты могут изменять порядок своих предпочтений и приоритетов, но в итоге измененный порядок оказывается более выгодным при данных условиях.

Кстати, с помощью категории «обмена» один из видных представителей рационального выбора К. Шепсл объясняет ситуацию в современной американской политической науке: если и можно как-то преодолеть разобщенность «отдельных столиков», то максимум, на что можно рассчитывать, – это принцип интеллектуальной экономии, взаимовыгодный обмен концепциями и идеями.

Что же касается теории рационального выбора в целом, то она оказалась особенно эффективной при анализе поведения избирателей, парламентской (законодательной) деятельности, в том числе формирования парламентских коалиций, международных отношений и в более широком плане – моделирования политических процессов.

Сторонники теории рационального выбора весьма агрессивно претендуют на создание всеобъемлющей политической теории, основанной на некоторых общих аксиомах, заимствованных главным образом из экономики. Эти аксиомы в основном сводятся к тому, что люди по природе своей рациональны, что они озабочены, прежде всего, насущными текущими проблемами (своего повседневного быта), что, как правило, они стремятся к улучшению своего материального положения.

Будущее политической науки представители рационального выбора видят в превращении ее в логически последовательную, внутренне непротиворечивую, опирающуюся на математическую обработку данных, способную объяснить политическую реальность на основе небольшого числа аксиом и исходных посылок формальную теорию.

Роль и весьма заметное место теории рационального выбора в западной политической науке последних десятилетий не подлежат сомнению для многих видных ее представителей. Б. Бэрри¹ обратил внимание, что в исследовании, вышедшем в свет под редакцией Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна, к числу «интеграторов» – «столпов»

¹ См. реферат статьи Б. Бэрри в этом же сборнике

политической науки и наиболее выдающихся ее представителей отнесены 17 ученых, из которых 11 включены в этот список, прежде всего, за их вклад в теорию рационального выбора¹.

И тем не менее...

2.6. За последние десятилетия XX столетия, считает российский исследователь², политическая наука пережила две методологических революции – поведенческую (бихевиоралистскую) и рационального выбора. Но, судя по всему, надвигается очередная революция, которую связывают с «новым институционализмом».

Название «*новый институционализм*» было введено в оборот в 1984 г. в статье с одноименным названием, написанной Дж. Марчем и И. Ольсенем.

Прежний (традиционный) институционализм был ориентирован на изучение государства и формально-правовое описание функционирования его институтов. В рамках поведенческого подхода институты рассматривались как пустотелые раковины, которые заполняются участвующим в политике индивидами с их конкретными ролями, системами ценностей и статусов.

Представители нового институционализма не противопоставляют поведенческие постулаты организационным схемам, полагая, что политическое поведение необходимо анализировать в условиях и возможностях существующих институтов.

Исследования, проводимые с позиций нового институционализма, сосредотачиваются скорее на структурах и организациях, чем на поведении отдельных людей, но при этом аналитическим методам в них придается не меньшее значение, чем в поведенческой политологии. Приверженцам старого институционализма достаточно было описывать институты, представители нового институционализма рассматривают институты как «зависимые переменные величины».

Современный институциональный анализ нацелен на изучение реального поведения, а не на формальные аспекты институтов. Представители старого институционализма, поясняет Б. Питере (профессор Питтсбургского университета), отслеживали, например, прохождение законопроекта в Конгрессе и рассматривали законодательный процесс в

¹ Политическая наука: новые направления... – С. 42-43.

² См.: Соловьев Э.Г. Неинституционализм // Политическая энциклопедия. В 2 т. – М., 1999.-Т. 2.-С. 36-37.

качестве показателя институциональной динамики; новые институционалисты концентрируют внимание на результатах законодательной (к исполнительной) деятельности, воплотившихся в конкретные социальные программы или политические решения¹.

Характерным примером неоинституционалистского подхода считаются, например, работы Теды Скокпол «Государства и социальные революции» и «Защита солдат и их матерей: политические истоки социальной политики в Соединенных Штатах»².

Пожалуй, самая примечательная черта нового институционализма состоит в том, что в его рамках не происходит отрицания всего предшествующего, а наблюдается сближение и интеграция разных школ и направлений — от бихевиорализма и теории рационального выбора до структурализма и институционализма.

И это в высшей степени примечательное обстоятельство. Ведь на протяжении почти всего минувшего столетия «жизнь» американской политической науки отнюдь не была идиллической и безмятежной. Р.Гудин и Х.-Д. Клингеманн напоминают: «бихевиоралистская революция» в политической науке во многом в период своего апогея напоминала якобинскую диктатуру, и реакция на нее оказалась вполне термидорианской. Бунтари бихевиорализма пытались покончить с формализмом в политике: с политическими институтами, организационными схемами, конституционными мифами и юридическими фикциями — как с чистой воды мошенничеством. Те, кого эта революция отбросила назад, равно как и те, кто позже попытался отбросить назад ее самое, стали с неистовством втапывать в грязь научные претензии этой новой дисциплины, апеллируя к мудрости преданий седой старины.

Поколение спустя история повторилась, когда в роли революционеров выступили сторонники «рационального выбора». Во имя формального порядка и математической строгости в разгоревшейся борьбе, принявшей формы манихейской бескомпромиссности, сторонники рационального выбора попытались свести всю политику к взаимодействию узких материальных интересов. При этом «за ненадобностью» были отброшены духовные ценности, личные привязанности, а заодно вообще и вся история человечества и социальные институты.

¹ См.: Политическая наука: новые направления... — С. 219.

² Там же. — С. 43,50.

Только в последние два десятилетия XX в. американская политология пытается встать на путь объединения различных методологических подходов. Хотя ей при этом приходится иметь дело не только со старыми проблемами, но и с новыми вызовами.

2.7. В первую очередь здесь имеется в виду активная деятельность ученых *феминистского* и *постмодернистского* направлений, достаточно громко заявивших о себе.

Сторонники феминистской политической теории, политизируя социальное начало, настаивают на рассмотрении проблемы семейных, гендерных отношений и сексуальности как проблем политических. Многие важные понятия, которыми оперировала и оперирует политическая наука (власть, властные полномочия, политические обязательства, гражданство, частная жизнь, справедливость, демократия), феминизм подвергает серьезному переосмыслению.

По мнению феминисток, западная интеллектуальная традиция сложилась исключительно с учетом маскулинного опыта, при этом научные исследования являлись сферой откровенного господства мужчин и отличались типичном мужским подходом к любым социальным и политическим проблемам. Необходимо поэтому реинтерпретировать и реструктурировать всю социальную науку, а политическую науку в первую очередь, под углом зрения феминистской перспективы. В политической науке, в частности, на передний план тогда выдвигается необходимость тщательного рассмотрения соотношения экономического развития и социально-политической справедливости, анализа репродуктивного права как неотъемлемой части гражданских прав и т.п. Один маленький пример: Нэнси Хартсон убеждена, что из-за жесткой дихомии концепции власти («я – другие», «мы — они») последняя в современной политической науке сводится обычно к конкуренции и контролю. А между тем, если бы политологи попытались шире подойти к феномену власти и стали бы рассматривать власть как возможность содействия претворению в жизнь замыслов и чаяний индивида, то власть была бы интерпретирована как способность что-то созидать, а не только что-то преодолевать¹.

Добьются ли женщины того, что требуют феминистские движения, – это пока открытый вопрос, но бесспорно, что политическая наука не может не учитывать требований этих движений и в исследования

¹ См.: Политическая наука: новые направления... – С. 464.

современной политической реальности должна включать теперь и феминистский аспект.

Серьезную озабоченность в сообществе профессиональных политологов вызывают попытки постмодернистской интерпретации политической теории. Постмодернизм родился в 60 – 70-е годы и с тех пор стал неотъемлемой частью западной социальной и гуманитарной мысли. Если феминистское направление предлагает реинтерпретировать всю социальную науку, то постмодернисты, в первую очередь Ж. Деррида, Р. Рерти, П. Розенау, ставят под сомнение сами основы социальной науки, отрицая наличие любых форм и критериев «правильности» и «истинности» при получении знания. Любая концепция истины – относительна, идея прогресса – эфемерна, рационалистическая традиция, опирающаяся на безусловную ценность разума, ошибочна, – ни одна из научных методологий не может обеспечить объективной истины.

Любой (написанный) «текст» не имеет определенного раз и навсегда значения; «текст» – это неотъемлемая часть того мира, в котором он был написан, поэтому для «читателя» в последующие времена он может иметь неопределенное множество значений – в этом (очень приблизительная) суть «деконструкции» Ж. Дерриды. И вот уже ряд американских специалистов по истории политической науки фактически переходит на позиции деконструктивизма (постмодернизма), когда они доказывают, что никаких привилегированных, раз и навсегда принятых канонов в политической науке не существует.

Конечно, недостатки постмодернизма кажутся очевидными, но у него есть и достоинства.

Проявляя особое внимание к «маломасштабным, местным» сообществам и вариантам истины этих сообществ, постмодернизм способствует конструктивному, более точному и всестороннему «схватыванию» человеческого общества во всем его многообразии.

Поощряя же ничем не ограниченные дискуссии и теоретические исследования, постмодернизм делает возможным максимально широкое участие в обсуждении политических проблем; сфера политической науки становится благодаря этому более открытой для различных точек зрения, что может способствовать новому видению политических проблем и привлекать внимание к ранее не принимавшимся в расчет группам населения и их политическим позициям.

Как показывает непрерывная дискуссия о методе политической науки, составившая значительную часть ее истории, в политической науке США проявляется стремление самоопределиться, уяснить свое отношение, с одной стороны, к политической философии, а с другой – к разрастающейся политической социологии, на долю которой приходится все больший объем публикаций, идущих под рубрикой «политическая наука». Это определенное свидетельство понимания того, что специфика политической науки проявляется не в особенностях ее метода, а в определении предмета исследований. Вот почему большинство политологов приходит к убеждению в возможности если не синтеза, то сосуществования бихевиорализма и функционализма, психологических и институциональных концепций. Кстати, в 70-е годы и особенно в 80-е годы американская политическая наука «живет» под знаком «возвращенного государственоведения», государственной и муниципальной политики, проблематики политических институтов.

Явление, часто называемое «бихевиоральной революцией», в политической науке США внешне выглядело как поиск гипотез, точных методов анализа, единиц измерения в политологии, т.е. как чисто техническое развитие дисциплины в сторону превращения ее в точную науку. Между тем – в США сейчас это мнение разделяет все большее число исследователей – скрытый смысл «бихевиоральной революции» после 1945 г. состоял в поиске понимания причины характера политической деятельности людей с помощью эмпирических средств.

«Поведенческий импульс» в конечном счете был направлен на преодоление «отстраненного» от практики «политико-философского» институционализма. Однако акцент на методологии, характерный для бихевиоралистов, вызвал реакцию со стороны функционалистов, сторонников психологического подхода и т.д., возражавших бихевиоралистам не по существу (проблема «соучастия» в преобразовании общества волновала и первых, и вторых, и третьих), а на таких достаточно формальных, хотя и важных основаниях, как универсальность поведенческого подхода. Каждый из участников дискуссии взял на себя в конечном счете определенную роль: бихевиоралисты отстаивали требование соблюдения точности и систематичности, функционалисты высказывались в пользу целостного рассмотрения политики (будь то в

контексте всего общества, как его «подсистемы», или в качестве изолированной «системы») и предостерегали от излишнего увлечения обособленными процессами и институтами, «психологи» подчеркивали значение иррациональных мотивов в деятельности политического человека и настаивали на изучении поведения личности в политике; неонституционалисты призывали к анализу институтов, которые нельзя без остатка сводить к формам поведения или безличным «системам» и «структурам».

По мере углубления дискуссий, а также накопления эмпирической информации в рамках развивавшейся параллельно политической социологии общие пределы политической науки раздвинулись, что привело многих исследователей к фактическому отказу от ценностных оснований самой политологии. Парадоксально, что именно ценностная по своему смыслу «бихевиоральная революция» и последовавшее за ней расширение политической науки, выделение в ее составе различных дисциплин привело к возникновению особого типа политического исследования – изолированного, формально (а часто и по существу) не связанного с общим направлением социальных наук, ориентированного только на собственный предмет и подчеркнуто не задающего вопросом о целях и основаниях предпринятого исследования. Эта тенденция в свое время породила довольно сильную тягу к проведению разнообразных эмпирических исследований, направленных на решение конкретных вопросов политической практики. Такими были, например, исследования выборов.

Но тип «бесстрастного» исследования, ставший на многие годы в американской политической науке господствующим, постоянно вызывал отрицательную реакцию на разных уровнях. Это объясняется целым рядом причин.

Во-первых, вопрос о ценностных основаниях в политической науке так или иначе решался внутри самой науки, поскольку методу приписывалось – что отчасти справедливо – ценностное значение.

Во-вторых, обособленность различных дисциплин внутри политической науки создала невозможность подчинять их единому методу, о чем свидетельствует постоянное обращение политологов к политической философии и политической публицистике.

В-третьих, все более отчетливо проявляется стремление многих ведущих политологов идентифицировать себя с определенным политическим и идеологическим направлением.

В данном случае место вопроса о едином всеобъемлющем методе, лежащем в основе всей политической науки, фактически заняла проблема роли политолога в обществе, вопрос о моральных основаниях науки, ее «применимости» и ее «человеческой перспективе».

Таким образом, стремление к большей аналитической строгости, «академичности» американской политологии, проявлявшееся на протяжении многих лет и связанное со стремлением этой науки найти собственное поле деятельности, а во многом и избежать анализа острых политических проблем страны, привело в последние годы к сильной ответной реакции, к поиску ценностных оснований. И именно эта реакция в настоящее время оказывает значительное влияние на уже устоявшиеся методы и стиль американской политической науки.

90-е годы, пожалуй, можно рассматривать как время синтеза: американская политическая наука снова европеизируется, но теперь уже на новом, более высоком уровне, в свою очередь, европейская политическая наука американизируется. Закладываются основы интеграции и интегрированной политической науки. Проявляется это прежде всего в осознании возрастающего значения гуманистического профилирования «чистой» политической науки (политологии) как интегрированного политического знания. Не все так безнадежно.

В конце концов, политические науки, уходящие своими корнями в глубокое прошлое, уже строились на принципе *целостности* социального знания (социальной науки) и особого внимания к политике как к инструменту, с помощью которого «скрепляется» общество.

3. ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Соотношение традиций и новаторства в английской политической науке отражает ее нынешнее реальное положение в рамках западной (прежде всего англосаксонской) социальной мысли. Исходным пунктом большинства (и практически всех прикладных) исследований стали помимо идей Т.Гоббса, Дж.Ст. Милля и Й.Бентама, концепции американских исследователей.

То, что английские политологи, в отличие от американских гораздо меньше внимания могут уделять чисто исследовательской деятельности в связи с загруженностью преподавательской работой, способствует сохранению в трудах многих из них черт, свойственных

политической философии. Именно в ее рамках после Второй мировой войны продолжала сказываться сила традиций английской политической науки, которая не раз доказывала свою способность создавать мощное культурное поле, пронизывающее всю западную политологию.

Уместно напомнить, например, что одним из первых исследователей политики, обратившимся к психологии, был англичанин Дж. Уоллес, который восстановил¹ в правах значимость иррационального фактора в политике, не принимавшегося во внимание господствующим в его времена в Англии утилитаризмом.

Еще в 1908 г. Дж. Уоллес заявил о кризисе в английской политической науке, который был порожден отказом от изучения связей между политическим поведением и «природой человека», обусловленной социальными, культурными и расовыми факторами. Именно Дж. Уоллесом впервые был поставлен вопрос о значении неосознанных методов в политической деятельности, о роли в политике пропагандистских символов.

Искусство политики сводится к созданию общественного мнения путем преднамеренной эксплуатации подсознательных, т.е. нерациональных настроений. В целом, конечно, необходим рациональный контроль над иррациональными факторами. Это возможно, поскольку в принципе человеческая природа не противоречит идеалам и институтам демократии. Гармонизация достижима посредством политического участия граждан, хотя, считал Уоллес, поспешное и чрезмерное расширение демократического участия может «высвободить» энергию иррациональных сил человеческой природы. Исходя из этого, рациональная политика рассматривалась им как постоянное осуществление контроля над демократическим процессом.

До 50-х годов XX столетия в английской политологии господствуют идеи Дж. Уоллеса, в первую очередь, о неразрывной связи между политическим поведением и иррациональностью человеческой природы. Их продолжал и развивал, в частности, Г. Ласки – один из настоящих классиков англосаксонской политической науки из Великобритании.

Фактом массовой политической культуры Запада и отдельных стран в других районах мира стали идеи К. Поппера. Заметным событием в развитии англосаксонской политологии явились труды М. Оукшота. Если учесть, что ныне на политическую практику политическая наука

¹ Wallas G. Human nature in politics – 4-th ed. – L., constable, 1948. – P. 12-13, 155-158.

оказывает влияние именно в силу своей способности дать теоретический и эмпирический анализ уже существующих политических институтов и методов, то наличие исследователей такого масштаба служит подтверждением значимости английской политологии.

Для английской политической науки послевоенного времени характерным является преобладание поведенческого подхода, истоками двух направлений которого – «социологического» и «экономического» – еще в прошлом веке стали два различных понимания природы человека и человеческого поведения. Как отмечает один из ведущих современных политологов Англии Б. Бэрри, «экономисты» рассматривают политику как сферу рациональной деятельности людей с неизменными целями, сводимыми к стремлению извлечь максимальную выгоду. «Социологи» же видят в политическом поведении результат влияния культурной традиции, системы ценностей которой человек подчиняется в большинстве случаев неосознанно¹.

Еще в середине прошлого века Дж.Ст.Милль, критикуя распространение на политику экономических законов в трудах Дж. Бентама, отмечал необходимость создания науки «этологии», в которой для нужд политических исследований использовались бы не только экономические, но и социологические методы.

«Экономический» подход отступает на второй план, однако его элементы продолжают присутствовать в трудах представителей социопсихологического направления, которые (особенно в своих ценностных суждениях относительно демократии) не порывают с рационалистическими традициями.

После Второй мировой войны резко изменилась политическая окраска «социологического» направления политической науки. Если прежде его виднейшими представителями в Англии были лейбористы и другие реформисты, то теперь оно становится теоретической опорой консерватизма (каковой оно и было в момент зарождения). Метод, ставящий в центр исследования анализ причин стабильности систем в изменяющейся среде, как нельзя лучше соответствовал озабоченности судьбами демократии, проявлявшейся среди «социологов». Конкретные эмпирические данные о политическом поведении (сбор их начат еще в военные годы при содействии Института Гэллапа), казалось, только подтверждали догадки об иррациональности мотивов такого поведения.

¹ Barry B. Sociologists, economists and democracy. – L.; N.Y., 1970. – P. 6-7.

Возрождение же «экономического» подхода было обусловлено не столько социально-политическими, сколько исследовательскими причинами: ему способствовали успехи формальных методов экономического анализа.

Все это происходит на фоне отхода от нормативизма, который наблюдается прежде всего в политической философии. Ввиду серьезности происходящих политических событий в мире и Великобритании абстрактно-созерцательный подход к объяснению этих событий стал казаться неуместным.

Направления и течения политической науки английские специалисты характеризуют по преобладающим в них видам суждений. К нормативным относятся течения, которые оправдывают ценности данного политического режима, предлагают для их укрепления новые виды учреждений, оптимальные варианты политического поведения. Аналитические теории заняты выявлением логической и юридической сущности политических понятий, а эмпирические исследования носят описательный характер, строятся на наблюдениях. Для них показателен подчеркнуто ненормативный подход, стремление выдвигать только проверяемые гипотезы¹. Преобладание эмпирического подхода в рамках «социологического» и «экономического» направлений английской политологии обусловлено и потребностями политической практики, и влиянием американского опыта. Центральными в анализе политических отношений и политических процессов являются понятия власти, авторитета и влияния.

Осуществление власти связано с применением силы или угрозой ее применения. Политологи-«экономисты» конкретизируют и несколько смягчают категоричность приведенной выше формулы, определяя власть (вслед за Р. Далем) как способность «А» заставить «Б» сделать то, что последний без принуждения не стал бы делать. Б. Бэрри прямо говорит об «экономическом» характере власти, рассматривая его в терминах «выигрыша» и «проигрыша»: отношения власти имеют место только тогда, когда одна сторона выигрывает от их сохранения больше, чем другая, располагая возможностями добиться повиновения последней ценой минимальных убытков, т.е. «А» повинует «Б» в том случае, если стоимость уступчивости для «А» меньше стоимости возможных потерь вследствие санкций со стороны «Б». Вероятность же их применения

¹ Lively J. Democracy. – Oxford., 1975. – P. 60-61.

зависит от того, насколько затраты на их применение для «Б» перекрываются стоимостью выигрышей от повиновения «А»¹.

Рассмотрение вопроса о *власти* традиционно увязывается с анализом понятия *государство*. Английские политологи определяют государство как «политически организованное в соответствии с нравственным идеалом общество» и при этом полагают, что от всех прочих организационных форм, существующих в обществе, государство отличается: а) целью, состоящей в создании и постоянном поддержании системы правопорядка; б) структурой, которая объединяет всех лиц, проживающих на данной территории, как подданных; в) методом действия, позволяющим прибегать к насилию и принуждению².

Проблема классификации политических режимов и выделение демократии как политического режима особого типа разрабатывается английскими послевоенными политологами в контексте дискуссий о судьбах западной цивилизации.

Самой значительной из попыток политико-философского осмысления проблемы является разрабатываемая с 1945 г. К. Поппером концепция «открытого» общества, переходной формой на пути к которому и является западная демократия с ее постоянно расширяющейся сферой индивидуального принятия решений, выходящих за рамки частной жизни: участие в выборах, референдумах и т.п. Принцип демократической политики, следовательно, заключается в создании и развитии учреждений, позволяющих осуществлять общественный контроль над правителями и смещать их по воле управляемых, что исключает возможность любого рода тирании.

Обеспечивая формальное равенство всех членов общества, допуска проявление всего спектра человеческих характеров и мнений, демократия тем самым служит залогом дальнейшего материального и морального прогресса.

Возглавлявший в 1956-1968 гг. кафедру политической науки лондонской школы экономики М. Оукшот, представитель консервативного направления в политологии, характеризует демократию как «гражданскую» ассоциацию. «Гражданская» ассоциация объединяет своих членов, не связывая их общностью целей. Это не значит, что они

¹ Валу В. Power: an economic analysis // Power and political theory: Some European perspectives. – Л., 1976. – P. 96,88.

² Barker E. Principles of social and political theory. – Oxford, 1955. – P. 42-43.

действуют бесцельно: просто власть не ставит перед собой задачу поощрять какой-либо вид целенаправленной деятельности в ущерб другой. Совокупность соблюдаемых ими норм («кодекс вежливости») гарантирует сохранность их прав и свобод¹. Таким образом, управление становится ограниченной сферой по обеспечению и поддержанию общих норм поведения, которое (управление) не следует рассматривать как предписания, навязывающие основные виды деятельности, а лишь как средства, предоставляющие людям возможность заниматься по своему усмотрению любой деятельностью².

Сторонники эмпирического направления, воздерживаясь от обсуждения и оценки демократических идеалов, рассматривают демократию как политическую систему, в которой право принимать политические решения завоевывается в результате свободных выборов (при этом голос каждого гражданина «имеет одинаковый вес»), а все граждане обладают относительно равным доступом к информации о представленных на их рассмотрение альтернативах.

Однако сами по себе выборы еще не обеспечивают подлинно представительного правления. Необходима ответственность тех, кто управляет. Вообще-то существуют три вида ответственности: ответственность перед общественным мнением; проведение ответственной политики, основанной на глубоком и всестороннем анализе проблем; ответственность перед парламентом³. Английская традиция и английская политическая культура «делают» главной второй тип ответственности: ради осуществления и проведения того курса, который кажется правительству наиболее целесообразным, оно идет даже на потерю популярности.

После Второй мировой войны проблема стабильности демократии стала центральной для «социологов». Этим, по-видимому, объясняется тот факт, что большинство английских исследователей ищут причину стабильности демократических институтов в политической культуре страны. Основой анализа служит понятие консенсуса относительно безусловной ценности демократической процедуры.

Особенность английской демократической процедуры проявляется в институте и форме политического лидерства. Реализация личных

¹ Oakeshott M. On human conduct. – Oxford, 1975. – P.139-158.

² Oakeshott M. Rationalism in politics and other essays – L. Methuen, 1962. – P. 184.

³ Birch A. Representative and responsible government. An essay on British constitution. – L., 1964. – P. 20.

способностей целиком зависит от традиционных институтов, вне которых «путь вверх» в британской политической системе невозможен. (Случай У. Черчилля в данном случае является исключением из правил. К тому же он имел место в условиях войны.) Так, премьер-министр в глазах избирателей обладает авторитетом не столько в силу своего поста или человеческих достоинств, сколько за счет своей принадлежности к одной из традиционных партий. Руководителем страны может стать только тот, кто прошел весь курс политической социализации: от рядового члена парламента до лидера фракции. Это предполагает постоянное подчинение традиционным правилам игры.

Подводя итог краткому обзору английской политической науки, следует указать на открывающиеся перед ней перспективы. В последние годы заметно возросло сотрудничество между английскими и западноевропейскими (континентальными) политологами. Свидетельством тому являются совместные исследования ряда политологических проблем, выпуск коллективных трудов и международных периодических изданий. Такая кооперация может стать фактором будущего сближения двух традиций западной политической науки – континентальной и англосаксонской, переживших длительные исторические периоды обособленного развития¹.

4. ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА В ФРГ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ УКЛОН

Политической науке ФРГ присущ ряд специфических черт. Если в США упор делается на эмпирические исследования, то в Германии политическая наука имеет отчетливый политико-философский характер. Теоретический уклон сближает ее с политологией других европейских континентальных стран.

Социология и политическая наука в Германии при своем рождении рассматривались как дочерние дисциплины таких традиционных наук, как философия, юриспруденция и политэкономия.

М. Вебер считал политику средством достижения и удержания власти. В его трудах политика предстала без нимба научности, а политическая борьба была показана как столкновение ценностей, идей,

¹ Попытка представить, как развивалось изучение политики в Великобритании в XX столетии, предпринята в статьях П. Келли и Б. Бэрри, рефераты которых помещены в этом сборнике.

стремлений. Он строго разделил эмпирическую и нормативную науки, от сущего нельзя перекинуть мост к должному. Научная дискуссия по вопросам «сущего – должного» возможна, по Веберу, лишь в очень ограниченном аспекте. Таким образом, Вебер развел в разные стороны теорию и политику, а научное обсуждение практической политики ограничил «техникой» достижения определенных целей, сведением их к вопросам типа: «Если... то...».

Единственным возможным критерием оценки такой политики были и остаются «интересы государства». М. Вебер видел главную проблему политической науки в соотношении науки и политики. Эта проблематика актуальна в ФРГ и в наши дни.

Нацизм фактически уничтожил немецкую политическую науку. С 1932 по 1938 г. Германию покинуло более половины всех преподавателей университетов и высших школ, среди которых были такие крупные ученые, как К.Маннхейм, Э.Фромм, Т.Адорно.

В результате интеллектуальный центр политической науки Германии переместился за океан. Лишь после разгрома фашизма начинается ее возрождение в Западной Германии. Сегодня в ФРГ можно выделить следующие политологические течения.

В силу прочных государствоведческих традиций продолжают существовать концепции¹, согласно которым политическая наука – это государствоведение, дополненное анализом динамики государственных институтов.

Вторая группа политологов вообще отрицает единство предмета политической науки и говорит о «политических науках»: истории, социологии и экономике в их политических аспектах.

Третья группа рассматривает политическую науку лишь в качестве одного из направлений социологии, уделяя при этом главное внимание социологическим аспектам политики.

Четвертая группа политологов видит основную задачу и цель политологии в историко-герменевтическом анализе современности.

Однако основным критерием при выделении тех или иных направлений следует все же признать подход авторов к проблеме соотношения науки и политики, ибо среди перечисленных групп политологов, будь-то «государствоведческое» или «социологическое крыло», существуют различные позиции по этому вопросу.

¹ См. например: Lenk K. Politische urssenschaft: Ein grundriss. – Stuttgart, 1975. – S. 17.

Политическая наука, понимаемая многими немецкими авторами в качестве *практической дисциплины*, ставит перед собой задачу определения цели и норм политической деятельности. Таким образом, политическая наука в этой версии занимается философским осмыслением социальной действительности и ориентирует политическую деятельность на определенные социальные и моральные ценности. Подлинная наука о политике является собой как бы синтез исследований общественных институтов и философской рефлексии, т.е. своего рода сферу «практического разума». При этом сторонники «практической» политической науки проявляют большой интерес к истории политических идей. «Практическая» политическая наука базируется на определенных эτικο-философских ценностях, без которых она выродилась бы в простое описание действительности. Философские проблемы приобретают значение социально-политических.

Это побудило часть западногерманских политологов (Д.Зенгхасс, Э. Криппендорф, В.Д.Нарр) обойти возникшие трудности на базе «чистой» политической науки, способной, как они полагали, покончить со всевозможными историко-психологическими и философско-социальными спекуляциями «практических» политологов. Исследуя проблемы политической теории, сторонники «чистой», аналитической, «научной» концепции утверждают, что сферы ценностей и сферы фактического должны быть понятийно разъединены, причем научному анализу должна подлежать лишь сфера фактического. В своих исследованиях они опираются на неопозитивистскую методологию – «критический рационализм». Кредо последнего изложил единомышленник К.Поппера Г.Альберт: в основе любой науки лежат те или иные ценности, но это отнюдь не означает, что невозможно уйти от оценочных суждений – политическая наука должна в результате «критического» анализа избавиться от предвзятых оценочных подходов к объектам своего исследования.

Таким образом, линия, намеченная М. Вебером в области соотношения науки и политики, развивается в настоящее время в ФРГ сторонниками неопозитивистски ориентированной социологии и политической науки.

Значительная роль, которую играет философия в тех или иных политологических концепциях немецких авторов, объясняется во многом традициями германской социально-политической мысли.

В условиях преобладающего философского осмысления социально-политических феноменов, характерного для немецкой политической науки, сами политические проблемы, такие, как государство и его сущность, демократия, политика, становятся подвержены иррациональным, мистическим интерпретациям, открывающим широкий простор апологетике существующей действительности и обосновывающим бессилие человека перед «демонией политической жизни».

История политических идей в Германии включала не только философско-правовые, но и морально-философские, и философско-антропологические компоненты. Эти традиции живы здесь и в настоящее время, что объясняется обстоятельствами двоякого рода. Во-первых, политические теории прошлого, в частности, теории Т.Гоббса, Д. Локка, Ж.-Ж.Руссо, И.Канта, строились на базе определенной «антропологической картины». Во-вторых, философская антропология включается немецкими авторами и в состав современной политической науки. Именно в этом проявляется стремление к синтезу не только самой политологии, но и ее важной отрасли – истории политических идей.

Несколько условно в настоящее время можно выделить два политологических направления в ФРГ: нормативизм («практическая» политическая наука) и «критический рационализм» (одна из версий неопозитивизма), т.е. «чистая» политическая наука.

Основой нормативистских интерпретаций политических идей, как правило, является представление о наличии вневременных, внеисторических ценностей.

История политической мысли должна, считают представители нормативизма, обосновать связь идеального (наличие общезначимых вневременных ценностей) и реального (их конкретного исторического воплощения) в процессе человеческой истории.

Оба этих направления в сегодняшней немецкой политической науке «вращаются» вокруг двух основных (и принципиальных для ФРГ) тем – государство и политический процесс, проблемы демократической организации общества.

При характеристике политической науки в ФРГ следует иметь в виду, что вопросы политики и политических отношений традиционно рассматривались в Германии в рамках философии государства и собственно государствоведения, все политические процессы в обществе увязывались с государствоведением и государственным управлением.

Для социально-политической мысли ФРГ характерны попытки соединения философского осмысления государства, с одной стороны, с исследованием конституционных и политических реалий – с другой. Многие немецкие философы-государствоведы и собственно государствоведы до сих пор определяют государство как «действительность нравственной идеи», как «фундаментальное инобытие добра». Однако предмет немецкой политической науки вовсе не замыкается на государстве, он включает в себя и политические процессы, происходящие вне государственных институтов, политические партии и другие подобные группировки.

Такой точки зрения придерживаются многие ведущие политологи ФРГ (К. фон Бейме, К.Ленк, Э.Хиппель). По их мнению, частью политологии является теория политического процесса, в том числе анализ политических представлений о социальном порядке, социальных институтах и их историческом развитии. Предметом политической науки должна быть политика в широком смысле ее понимания, а не государство. Эту точку зрения отстаивал американский политолог немецкого происхождения К. Фридрих, который считал необходимым перенесение центра тяжести исследований на динамические процессы в политике. Прожив долгие годы за океаном и испытав влияние англосаксонских государственно-правовых и политических доктрин, К. Фридрих наглядно демонстрировал, что традиционное в Германии понимание политики как действия, ориентированного на государство, находится в резком противоречии с моделью буржуазно-демократического порядка в его англосаксонской версии.

Динамические аспекты политического процесса начинают играть все большую роль в политологических исследованиях, проводимых немецкими учеными, что особенно проявляется при анализе таких проблем, как соотношение общества, государства и демократии.

Значимость для политологии ФРГ приобретают и исследования политических систем. Понятие политической системы употребляется в двух значениях: во-первых, в качестве категории, «снимающей» дуализм общества и государства и устраняющей саму категорию государства из научного обихода, и, во-вторых, в качестве категории, выражающей определенное соотношение государственных и негосударственных институтов в жизни современного общества. Именно в этом последнем смысле употребляется термин «политическая система» при анализе общественно-политических процессов развитых западных стран.

«Понятие политической системы является абстракцией, поэтому так необходимо очертить ее границы. Старый институционализм, исходя из критериев суверенитета государств, видел лишь одну границу политической системы: границу с другими политическими системами. Сложнее провести границу, отделяющую политическую систему от других subsystemов социальной системы, прежде всего от экономической»¹.

Однако такая постановка вопроса вряд ли является конструктивной, поскольку в первом случае границы политической системы совпадают с государственными, а во втором проблема соотношения общества и государства лишь переводится на новомодный «системный» язык и остается нерешенной по существу. Последнее обстоятельство, в частности, то, что понятие политической системы еще недостаточно разработано, не смущает немецких политологов и не мешает им активно использовать его.

Особенностью современного этапа развития политической науки ФРГ является стремление соединить абстрактно-философский и конкретно-социологический подходы к изучению государства. Проявляется это в попытках трактовать государство как один из элементов социальной системы.

Одновременно значительная часть немецких ученых по-прежнему видит в государстве носителя «вечных» ценностей, многие из них при этом полагают, что государство следует рассматривать через призму человеческой природы (сущность государства и природу человека объединяет, по их мнению, то, что они не являются фактами исторического опыта – история лишь поле их реализации или нереализации).

Своеобразным феноменом социально-политической науки ФРГ является то обстоятельство, что философско-антропологический подход превращается в философию государства.

Наиболее завершенную форму это приобретает в работах А. Гелена. Государство – это «некая структура, рационально-организованно закрепляющая исторически сложившиеся отношения между людьми на данной территории»². Оно (государство) служит

¹ Beyme K. von Das politische System Italines. – Stuttgart e.a., 1970.- S. 129.

² Gehlen A. Urmensch und spatkulture. Philosophische ergebnisse und ansagen. – 2. new bearb. Anef. – Frankfurt a. M., Bonn, 1964. – S.327.

индивиду точкой опоры в социуме, ибо отсутствие или разрушение этого института ввергает человека в нестабильность и хаос Гелен, конечно, не может игнорировать того факта, что государство, особенно современное государство, используется в качестве инструмента для достижения целей теми или иными социальными силами, но в первую очередь государство для него – это универсальный феномен, самодовлеющая сила.

«Мы являемся свидетелями того, что институты общества, его учреждения, законы, а также существующие формы их взаимодействия, наличествующие в качестве экономических, политических, социальных, религиозных структур, являются внешними опорами человека, делающими возможной мораль и нравственное поведение»¹. Такая трактовка государства таит в себе угрозу манипулирования сознанием и поведением людей, но это лишь неизбежные «издержки» всеобъемлющего характера государства. В сущности позиция Гелена сводится к требованию «сильного государства».

Идея «нового Левиафина», т.е. «сильного государства», разрабатывалась в политической науке ФРГ и представителями «социологического крыла» (К. Шмитт, В. Вебер). Наиболее типичным для социологического подхода к государству является стремление противопоставить «плюрализму» современных олигархий «разумное» начало. Даже в социологических интерпретациях государства присутствуют абстрактно-философские мотивы.

Сегодня многие немецкие конституционалисты и государственоведы видят особенность развития ФРГ в том, что основные права граждан находятся под угрозой уже не со стороны тоталитарного государства, а со стороны общества. Нынешняя конституционная реальность ФРГ характеризуется формулой: «плюралистическое государство олигархических групп»².

К этим «олигархическим группам» относят, в первую очередь, политические партии, профсоюзы, союзы предпринимателей, церкви. Их плюрализм на практике означает, что ни одна из «олигархических групп» не является настолько сильной, чтобы подчинить себе все другие группы. Вроде бы создается баланс власти – система сдержек и противовесов, препятствующая концентрации власти в одних руках.

¹ Weber W. Spannungen und krafte im westdeutschen verfassungssystem. – B. (West), 1970. – S. 44.

² Weber W. Spannungen und krafte im westdeutschen verfassungssystem. – B. (West), 1970. – S. 44.

Однако это равновесие «сдержек и противовесов» не опирается на сколько-нибудь чуткую и конструктивную концепцию. А попросту говоря, современному демократическому процессу перекрывает дорогу антидемократическая сущность олигархических групп и союзов.

Проблема соотношения конституционной структуры (конституционного поля) и конкретной политической реальности вплотную поставила перед немецкими политологами вопрос о разработке теории социального развития и социального изменения.

Этот вопрос не мог не возникнуть в силу невиданного ранее расширения полномочий высших органов исполнительной власти, вследствие чего явственно обозначился кризис классической доктрины разделения властей. Равновесие государственно-правовых институтов было резко нарушено.

Прежний подход к проблемам государства и демократии уже не мог вместить в себя новых понятий о социальных силах, оказывающих влияние на политическую власть. Таким образом, вопрос о соотношении государственных властей должен был быть дополнен вопросом о соотношении государственных и негосударственных институтов. И именно в силу этого центр тяжести теоретических и конкретных исследований переместился на вопросы общества.

В отличие от других западноевропейских стран, в ФРГ этот крен наметился позднее и не привел, как, например, в США, к поляризации конституционного права и политологии, прежде всего в силу прочных государствоведческих традиций в Германии. Тем не менее перенесение акцента научных исследований с анализа институтов на социальные динамические процессы характерно и для современной политологии ФРГ. В связи с этим возникла необходимость в общей теории социального развития, попытки создания которой были предприняты Р. Дарендорфом.

Для того, чтобы развитие политической системы ФРГ соответствовало «европейским стандартам» и чтобы избежать угрозы тоталитаризма, память о котором преследует немецкую политическую мысль, необходимо, по мнению Дарендорфа, наличие двух больших политических группировок: консервативной, состоящей из сторонников и защитников бюрократической системы, и прогрессивной, ориентированной на реформистско-либеральный курс. По флангам обеих группировок должны располагаться всякого рода радикальные «партии».

Само развитие политической системы на Западе внушает Дарендорфу опасения, ибо западное общество стоит не на пороге совершенствования традиционного либерализма, а в преддверии «средневекового рабства в условиях экономического изобилия». Этому, прежде всего, способствует система планово-рационального бюрократического общества. В выживании данной системы заинтересованы чиновники и специалисты всех категорий, для которых опасность кроется не только во внепарламентской оппозиции, но и в новом либерализме. Более того, они располагают достаточным потенциалом власти, чтобы расправиться и с той, и с другим. В этой связи становится понятным, почему проблемы демократии рассматриваются в настоящий момент либеральными и социал-демократическими теоретиками ФРГ через призму концепций «активного общества».

Альтернативой «тоталитарной утопии» общественного планирования, считает Дарендорф, будет не реакционная утопия свободного от политики саморазвития общества, а гуманная коррекция его эволюции посредством демократического контроля. Дарендорф и другие западногерманские авторы логически приходят к проблеме активной и пассивной общественности, ибо уровень демократии в обществе определяется, кроме всего прочего, и активностью населения в решении политических проблем. «Будущее демократии и свободы, – считает один из идеологов СДПГ Р. Лёвенталь, – зависит от характера отношений, которые установятся между государством и обществом»¹.

В наиболее законченном виде проблемы «активного общества» предстают в концепциях Ю. Хабермаса и Р. Дарендорфа. Так, Ю. Хабермас доказывает, что современный политический процесс оставляет общественности роль «почти безучастного зрителя». На смену «общественности, представляющей собой частных лиц, пришла общественность, объединенная в организации. Лишь она в нынешних условиях способна действительно участвовать в процессе социальной коммуникации, используя внутривластные и внутрисоюзные каналы, и на их основе – в процессе коммуникации между государством и обществом»².

¹ Lowental R. Sozialismus und aktive Demokratie: Essays an ihren Voraussetzungen in Deutschland. – Frankfurt a. M., 1974. – S. 57.

² Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft. – B., 1971. – S. 252.

Следует иметь в виду, что сегодня существуют: а) пассивная общественность, не принимающая участия в политической жизни, по причине отсутствия мотивации или интересов или вследствие препятствий, чинимых противоборствующими сторонами; б) пассивная общественность, специфически участвующая в политическом процессе, инициатива которой, однако, не выходит за рамки единичного акта участия в выборах; в) активная общественность, регулярно и осознанно принимающая участие в политическом процессе, в деятельности организаций¹.

«Активная общественность» является важной силой в современном политическом процессе.

Небольшая в количественном отношении «активная общественность» вполне совместима с основными конституционными свободами, однако противоречит существующим в настоящее время политическим теориям, в которых доминируют «фундаментально-демократические иллюзии».

Р. Дарендорф полагает, что одной из причин, по которой «фундаментально-демократическое заблуждение» длится столь долго, является фиксация конституционно-политического мышления на принципе разделения властей. Представительная демократия строится на разделении властей. Теперь стало ясно, что этого далеко не достаточно (даже если учесть тот факт, что разделение властей по-настоящему осуществлено лишь в немногих национальных конституциях).

Одной из основных функций «активной общественности» становится функция политического контроля. «Контроль – это нечто иное, чем законодательная, исполнительная и судебная власти, в отличие от них он сам представляет собой часть политического процесса. Слабость конституционного мышления в категориях разделения властей кроется в том, что при этом речь идет о статическом принципе. Разделение властей почти ничего не говорит нам о политических процессах, о том, как они возникают и протекают, предполагая их постоянными»².

Традиционное демократическое конституционное мышление считает политический процесс постоянным. Однако в основании этой

¹ Dahrendorf R. Pfade AUS Utopia: Arbeiten zur Theorie und Methode der Soziologie – München, 1968. – S. 230.

² Dahrendorf R. Konflikt und Freiheit. Auf dem Wege zur Dienst-Klassengesellschaft. München, 1972. – S. 232.

доктрины лежит ложная посылка, согласно которой народ является источником всех решений, т.е. общественность признавалась активной во всех своих составных частях или хотела, по крайней мере, казаться таковой. То, что ошибочность этой посылки не сразу стала явной, имело свои веские причины: политическая инициатива не представляла собой проблемы до тех пор, покуда считалось, что общественные структуры имеют противоречивые интересы и сами вырабатывают политические решения.

Вообще-то политические институты скорее сдерживают, чем вырабатывают инициативу. В современных условиях происходит своего рода фрагментирование интересов и возвращение от солидарных интересов к индивидуальной конкуренции, а это, в свою очередь, означает, что выработка инициативы сама становится проблемой.

Фактически, чем демократичнее политические институты, тем сложнее выработать инициативу. Одни и те же демократические процессуальные правила препятствуют образованию олигархий, гарантируют права суверена и препятствуют инициативе. Но без инициативы нет политического развития. Инициатива, впрочем, бессмысленна, если нет возможности реализовать ее и контролировать эту реализацию. Статичному принципу функционирования законодательной, исполнительной и судебной властей должен быть противопоставлен динамический политический процесс инициативы, реализации и контроля. Таково условие современной динамичной политики, которое «умеренные» немецкие либералы считают необходимым для обеспечения существования нынешнего политического порядка, т.е. максимум, к чему они стремятся, это, в лучшем случае, сохранение и поддержание социально-политического статус-кво.

Таким образом, можно заключить, что в настоящее время в Германии нет единого мнения о предмете и задачах политической науки и, более широко, о преемственности немецкой социально-политической мысли.

5. ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА ФРАНЦИИ: ПОИСК РЕШЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ

Политическая наука Франции родилась в недрах французского конституционного права. Формально началом политологии здесь стало открытие в Париже в 1871 г. «Свободной школы политических наук». С

конца XIX в. во французской науке конституционного права отчетливо прослеживается процессе ее политизации: не ограничиваясь изложением норм конституционного права, отдельные специалисты пытаются дать более широкую картину политической жизни, например, рассматривают «игру политических сил». Заметный след во французской политической мысли оставила работа русского ученого М. Острогорского «Демократия и политические партии», первоначально изданная именно во Франции.

Политизация конституционного права и широкое проникновение в сферу государственного социологических методов исследования – эти два фактора определили лицо французской политической науки на начальном этапе ее становления.

Что касается объектов, которые должны изучаться политической наукой, то у французских политологов нет на это единой точки зрения, что вполне естественно, ибо процесс становления данной научной дисциплины здесь еще продолжается. К сегодняшнему дню можно говорить о следующих подходах к объекту исследований политической науки: большинство политологов считает основным объектом изучение феномена власти, другие определяют иные объекты: государство, мир политического (политический универсум), политические отношения¹.

Отдельные специалисты плодотворно и конструктивно разрабатывают ее методологические аспекты и историю политических идей, анализируют политические институты (М. Прело, М. Дюверже, Ж. Ведель, А. Ориу и др.), детально рассматривают «политическую жизнь», т.е. политические партии, группы давления и общественное мнение (М. Прело, М. Дюверже, Р. Арон, Ф. Борелла, Ф. Лаво и др.), скрупулезно и всесторонне описывают феномен и процесс выборов (Ф. Гогель, М. Дюверже и др.).

Одним из основоположников современного французского государственного был Л. Дюги (1859-1928). Именно ему принадлежит приоритет в обосновании концепции «естественного» происхождения государства. Поскольку при этом Л. Дюги рассматривал государство исключительно через призму «феномена власти», то зарождение государственной власти он увязывает с делением членов общества на «сильных» и «слабых».

¹ См.: Грицианский П.С. Политическая наука во Франции критические очерки – М., 1975. – С. 17-18.

С тех пор как люди стали жить вместе и начали объединяться в группы, среди них сразу же выделились индивиды, которые, будучи сильнее других, постоянно стремились навязать свою волю другим. «Во всех странах и во все времена люди, обладающие наибольшей физической, религиозной, экономической, моральной, интеллектуальной силой, обычно на практике достигали этой цели»¹. В конечном итоге «самые сильные» постепенно составили прослойку «правителей де-факто» (т.е. их власть в глазах окружающих сначала не носила «легитимного», узаконенного характера), чтобы узаконить свое положение, правители прибегали к мифотворчеству, которое всегда имело огромное значение для регулирования властных отношений внутри «групп» (к последним Дюги относит и государство).

С возникновением имущественного неравенства руководящим слоем становятся богачи-аристократы, постепенно сосредоточившие в своих руках всю власть. Борьба между «богатыми и бедными» приводит к тому, что «бедные добиваются передачи политической власти себе, т.е. наиболее многочисленному слою общества. Демократическое правление заменяет аристократическое»², т.е. утверждение демократии стало «правом сильного», и в данном случае «также нельзя говорить о коллективной воле, как и при аристократическом режиме, – политическая власть по-прежнему принадлежит самым сильным, но только теперь самым сильным в количественном отношении»³.

Поскольку социальная жизнь человека являла постоянную борьбу «сильных и слабых», «богатых и бедных», это обусловило появление государства. А уже государственные правители «открыли», что наилучший способ узаконить (легитимизировать) политическую власть – это поставить ее на правовую основу. Постепенно люди согласились с тем, что физическое насилие и принуждение, применяемое властью, «легитимно», поскольку оно является санкцией за нарушение правовой нормы.

Государство основано на силе принуждения, но эта сила становится законной лишь тогда, когда она употребляется в соответствии с нормами права.

¹ Duguit I. Traite de droit constitutionnel. – P. , 1907. – P. 37.

² Ibid. – P. 40.

³ Ibid. – P. 40.

Такого рода идеи Л. Дюги стали отправной точкой для развития французского государственоведения, особенно для развития современной политической науки.

В первую очередь стоит упомянуть Э.Бурдо, который, по-своему продолжая линию Л. Дюги, развивал и углублял тезис о том, что государство возникает как абстрактный и постоянный носитель власти. «Власть представляет собой по преимуществу социальный феномен: с одной стороны, она не мыслится вне общества, а с другой – общество без власти быстро приходит в упадок»¹. Бурдо, конечно, понимал, что возникновение государства нельзя объяснять только результатом действия осознанной воли людей. Процесс его формирования обусловлен рядом материальных и духовных условий и причин.

Главное отличие государственной власти, по Ж. Бурдо, от остальных форм власти – это то, что она носит институционализированный характер, т.е. отделена от конкретных личностей. В этом смысле государство суть не что иное, как «институционализированная власть».

Основным назначением государства является поддержание «социального порядка». Эта идея варьируется многими французскими исследователями, в первую очередь теми из них, кто полагает, что в основе функционирования государственной власти лежит социальный консенсус. При этом одни прямо опираются на теорию «общественного договора» Ж.-Ж. Руссо, другие пытаются найти иные обоснования. «Если договор между властью и народом действительно когда-нибудь существовал, то даже в этом случае его целью было определить условия подчинения, но никак не изобрести само подчинение»².

Рассматривая государство как «гаранта социального порядка» или «инструмент всеобщего социального консенсуса», французские политологи вопрос о демократичности (или недемократичности) государства сводят тем самым к формальным признакам его (государства) организации. В данном случае они следуют в русле концепции разделения властей Ш.Монтескье, со времен которого наличие в обществе тесно связанных между собой и одновременно противостоящих друг другу законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти рассматривалось как главный признак и критерий

¹ Burdeau G.L'Etat. – P., 1970. – P. 9.

²Halbecq M. L'état, son autonté, son pouvoir (1880-1961): Thèse. – P. 1964/5/. – P. 603.

демократии. В интерпретации М. Дюверже это звучит так, государство является демократическим лишь тогда, когда «отвечает следующим требованиям плюрализму, основанному на свободных выборах, разделению властей, парламентскому контролю над исполнительной властью»¹.

Учитывая специфическую и неоднозначную политическую практику во Франции почти на всем протяжении XX столетия (в первую очередь, естественно, практику отправления власти), французские политологи усматривают в тенденциях к централизации и усилению исполнительной власти в ущерб и власти законодательной, и органам местного самоуправления серьезную угрозу для демократии. Некоторые видят в этом «тоталитаристские» тенденции.

Все большая этатизация (огосударствление) нынешнего хозяйственного организма, усложнение экономических и социальных структур современного западного (в данном случае французского) общества ведут к тому, что, подчиняясь принципу «эффективности и рациональности», прерогативы и полномочия центральной власти расширяются. Государственный аппарат разрастается и вовлекает в свою орбиту все большее количество людей. Поскольку последние целиком («со всеми потрохами») зависят от него, они верноподданически готовы исполнить любую директиву «центра».

С другой стороны, растущая в современном обществе социальная неуверенность толкает массы ко все большему подчинению бюрократическим (прежде всего центральным) институтам, ибо в них они видят «оплот стабильности». Все это оборачивается подавлением индивидуализма и утратой индивидуальности, ростом нивелирующей стандартизации и конформизма, вырождением политического плюрализма. «Омассовление» государства является неизбежным этапом социальной эволюции. Эти экономические, социально-политические и психологические причины и обуславливают тоталитаристский оттенок и "тоталитарную тенденцию" как достаточно характерную черту современного западного общества. Речь не идет о происках неких внешних сил или "заговорах" отечественных экстремистских группировок. Дело в том, считают некоторые французские политологи и государствоведы, что стремление к утверждению и расширению своих полномочий присуще любому политическому институту, а уж

¹Duverger M. Institutions politiques et droit constitutionnel. – P., 1960. – P. 236.

центральному государственному аппарату тем более. В этом смысле в самой логике современного общественного развития заложены эти тоталитаристские тенденции. М.Маффесоли определяет их как "полный контроль государственных органов над деятельностью всех клеток общественного организма". "Тяготение к тоталитаризму" (следовало бы точнее сказать, к некоторым элементам "классического" тоталитаризма) приобретает все более глобальный масштаб.

То, что речь не идет о собственно тоталитаризме (этой ужасной "болезни", выпавшей на долю человечества в XX столетии), видно хотя бы потому, что решение проблемы растущей угрозы демократии со стороны исполнительной власти и государства в целом французские специалисты предлагают искать на пути использования "технических" средств. Примером тому служит кампания в политической науке Франции в пользу децентрализации государственного управления. Придание большей автономии провинциальным административным органам (в частности, региональным), а также передача части прерогатив центрального государственного аппарата местному самоуправлению считается наиболее реальным способом сдерживания "тоталитаристской" тенденции.

Интересна в этом плане точка зрения известного в свое время французского государственного деятеля А.Пейрефитта. Выход из ситуации, создавшейся во Франции, где исполнительная власть, безусловно, доминирует над прочими органами государства, он видит в создании федерации по образцу США, где почти весь административный аппарат сосредоточен в штатах, которые к тому же обладают значительными законодательными полномочиями. "Таким образом, штаты являются противовесом центральной власти и не дают ей возможности прибрать все к своим рукам"².

Проблеме децентрализации уделял внимание и Ж.Бурдо, отмечая, что децентрализованная государственная власть способствует воспитанию гражданской ответственности индивида. "Уже давно замечено, что она (т.е. децентрализация) в большей мере, чем централизованная система, способна быть фактором гражданского воспитания людей. Децентрализация предоставляет индивиду возможность научиться

¹ Maffessoli M. La violence totalitaire: Essai d'anthropologie politique / Prod. de Samsar P. – P., 1979. – P.249.

² Peyrefitte A. Le mal français. – P., 1979. – Т. 1. – P. 346.

участвовать в общественной жизни не в фантазмагорической обстановке митингов или избирательных кампаний, а в атмосфере соприкосновения с действительными проблемами управления"¹.

Озабоченность французских политологов судьбами демократии вполне обоснована. Для М.Дюверже, например, не подлежал сомнению тот факт, что современные западные демократии, пришедшие на смену "аристократо-монархии", являются демократическими лишь частично. Он предлагает именовать их "плутодемократиями"² (plitos – богатство, demos – народ). До начала Второй мировой войны "плутодемократия" представляла собой то, что Дюверже считает чистой формой либеральной демократии. Последняя уже в тот период являлась самой усовершенствованной осуществления господства "экономической олигархии" над массами.

В отличие от тех представителей французской политической науки, которые надежды на выживание демократии связывают с децентрализацией государственной власти, для М. Дюверже "последним прибежищем" демократии является президентская власть. Для Франции, как и для некоторых других стран (Финляндии, Португалии, Австрии, Исландии, Ирландии), характерен «полупрезидентский режим»: «Президент, избранный путем всеобщего голосования и обладающий только ему принадлежащей властью, как это имеет место при президентском режиме, с одной стороны, и премьер-министр, руководящий правительством, которое могут сместить депутаты, как при парламентском режиме – с другой»³. Полупрезидентская система правления возникла в результате неблагополучия парламентской системы, когда стало необходимым внести элемент стабильности и прочности в управление делами государства, являясь скорее регулятором власти, чем ее полномочным обладателем, президент может выступить как гарант демократических институтов.

Состояние нынешней политической науки во Франции, эмоциональный настрой ее представителей, направленность и характер теоретических исследований прекрасно выразил политолог и публицист П.Авриль в книге, написанной по горячим следам событий 1968 г.: «Необходимо, наконец, чтобы какая-то политическая организация

¹ Burdeau G. Droit constitutionnel et institutions politoques: Conforms au programme des Facultes de droit et des *ecoles d'enseignement superieur. – P., 1959. – P. 336.

² Diverger M. Janus. Les deïx faces de l'Occident. – P., 1972. – P. XIII.

³ Duverger M. Ehec an roi. – P., 1978. – P.17.

(политический институт, было бы точнее) обеспечивала на национальном уровне связь между властью и гражданами – эта проблема не решена до сих пор»¹.

Тридцать с лишним лет спустя эта проблема все еще остается не решенной. Соотношение власти и демократии – к этому вопросу снова и снова возвращаются французские политологи.

¹ Avril P. Le gouvernement de la France (de Louis XVI a Pompidou). – P., 1969. – P. 203.